

ОТВѢТЪ НА „ГОЛОСЪ СВЯЩЕННИКА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ“.

Въ № 4 мѣстной газеты „Волна“ появилось за подписью нѣсколькихъ священниковъ г. Харькова письмо, носящее заголовокъ: „Голосъ священника о смертной казни и объ убійствѣ, какъ средствѣ политической борьбы“. Въ письмѣ этомъ проводятся слѣдующія мысли:

1. „Нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе убійства“; оно „противно природѣ человѣческаго духа“ (?) и „діаметрально противоположно любви“, которая составляетъ „высшій смыслъ и назначеніе человѣческой жизни“ съ точки зрѣнія Христова ученія. Убійца уподобляется діаволу, который служитъ олицетвореніемъ зла и „называется въ Св. Писаніи человѣкоубійцей“. „Христосъ запрещаетъ Своимъ ученикамъ не только убійство, во и гнѣвливое, грубое отношеніе къ ближнимъ, какъ убійство нравственное“.

2. Степень преступности убійства неодинакова: „Возмущаясь всегда самымъ фактомъ убійства... мы можемъ простить убійцу, если убійство совершено подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго движенія, аффекта. Но чѣмъ обдуманнѣе, спокойнѣе и сознательнѣе совершено убійство, тѣмъ оно больше возмущаетъ нравственное чувство“... „Мы всѣ убійцы, если допускаемъ смертную казнь.“

3. Смертная казнь, какъ угроза, не имѣетъ смысла: тотъ, кто отваживается на поступокъ, ведущій къ наказанію смертною казнью, находится въ такомъ душевномъ состояніи, при которомъ не дѣйствуютъ никакія угрозы.

4. Запрещающая всякое убійство, Господь запретилъ и смертную казнь. Когда ко Христу привели женщину, пойманную

въ прелюбодѣянїи, которую по закону нужно было побить камнями, Онъ сказалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый бросить въ нее камнемъ“. „Св. Серафимъ Саровскій потребовалъ освобожденія изъ тюрьмы разбойниковъ, избившихъ его и искалѣчившихъ“.

5. Русское уголовное право не знаетъ смертной казни... „тѣмъ ужаснѣе, непоследовательнѣе, несправедливѣе факты смертной казни у насъ въ Россїи“. „Злодѣю, рѣзавшему людей изъ за денегъ, даруютъ жизнь, а человѣка безусловно честнаго, правдиваго, но лишь чрезмѣрно увлекшагося политической или соціальной идеей, до забвенія себя, до преступленія, казнятъ! Убійство, какъ средство политической борьбы, ничѣмъ не лучше обыкновенной смертной казни. Намъ одинаково жаль какъ убитаго за свои убѣжденія революціонера, такъ и солдата, убитаго на своемъ посту“. „Нечего и говорить о безчеловѣчности массовыхъ разстрѣловъ и избїеній... большаго ужаса, большаго грѣха, преступленія противъ всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческимъ и представить себѣ невозможно“.

Въ заключеніе подписавшіеся подъ письмомъ пастыри приглашаютъ всѣхъ христіанъ, вѣрующихъ въ Господа Иисуса Христа, громко заявить: „мы протестуемъ противъ смертной казни и противъ убійствъ, какъ средства политической борьбы“...

— Письмо дѣлаетъ честь доброму сердцу и гуманнымъ взглядамъ пастырей, его опубликовавшихъ... Мы не имѣемъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что составители его руководились самыми благородными движеніями своей души; но мы совершенно отказываемся понимать, почему оно появилось въ печати въ то время, когда страсти народныя улеглись и городъ Харьковъ, да и вся Россія, находятся, сравнительно, въ спокойномъ состоянїи; почему протестующій голосъ пастырей не раздавался въ то время, когда всѣ жители земли Русской были терроризованы революціонерами; почему не раздавался онъ, когда печать оповѣщала насъ относительно единичныхъ случаевъ убійствъ, произведенныхъ революціонерами съ политической цѣлью; почему гуманные пастыри во имя Христа и изъ чувства человѣчности не заградили Евангельскимъ словомъ любви усть вожакамъ крайнихъ политическихъ партій,

громко призывавшихъ народъ къ мятежу и вооруженному возстанію противъ Правительства?! Если намъ скажутъ—„лучше поздно, чѣмъ никогда“, то едва ли можно будетъ удовлетвориться этимъ объясненіемъ... Протестъ является слишкомъ запоздавшимъ и его приходится выслушивать одной только стороной—Правительству, занятому возстановленіемъ въ государствѣ порядка и законности. Вотъ первое, что хотѣли бы мы сказать, позвакомившись съ содержаніемъ пастырскаго воззванія. Второе: мы желали бы уяснить и для себя и для общества, насколько справедливы подписавшіеся подъ письмомъ священники, какъ провозвѣстники Христовой истины. Какъ угодно, а мысли, послѣдовагательно проведенныя въ письмѣ, сильно расходятся съ общепринятыми церковными взглядами. Получается вслѣдствіе этого такая альтернатива: правы или нѣсколько харьковскихъ пастырей, или символическія книги православной церкви, служація выразительницами ея ученія; если правы первые, то возникаютъ вопросы: почему же неправильно учатъ послѣдніе,—простое ли это заблужденіе, или сознательная ложь? Вопросы такого рода, что они не только даютъ право, но и обязываютъ православнаго христіанина отнестись къ письму пастырей критически, провѣрить его съ точки зрѣнія Христова ученія. Съ этою именно цѣлію и по такимъ именно побужденіямъ мы думаемъ сдѣлать относительно письма свои замѣчанія. Мы привели содержаніе этого письма въ буквальныхъ извлеченіяхъ для того, чтобы а) свободнымъ перифразомъ не извратить какимъ нибудь образомъ его мыслей, б) для большаго удобства при детальномъ его разсмотрѣніи, и в) для того также, чтобы оставить себѣ возможность тамъ, гдѣ найдемъ нужнымъ, согласиться съ его содержаніемъ.

Письмо начинается словами: „Нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе убійства... Убійство противно природѣ человѣческаго духа“...—Съ этимъ нельзя не согласиться: человѣческой природѣ противно все то, что произошло не по волѣ Божіей, а по грѣховной волѣ самого человѣка, не только противенъ всякій грѣхъ, но и вообще все ненормальное, привнесенное грѣхомъ... Но дѣйствительно ли для христіанина нѣтъ ничего, ужаснѣе убійства? Не пустая ли это фраза?! Не ужаснѣе ли

убійства смерть духовная? Не засвидѣтельствовалъ ли этого Самъ Спаситель, когда сказалъ: „не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“?... А если такъ, то не нужно ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ради блага и спасенія души, жертвовать здѣшнейю земною жизнію, благомъ условнымъ и относительнымъ? Не видимъ ли мы изъ исторіи христіанской церкви подобнаго рода примѣровъ, когда непорочныя дѣвы, добровольно принимали смерть, спасая свое цѣломудріе, и христіанскіе родители отдавали мучителямъ жизнь свою собственную и дѣтей своихъ ради Христа? Самое ужасное—это, по христіанскому ученію,—лишеніе того, что всего дороже,—вѣчнаго блага.

„Убіиство, читаемъ далѣе, діаметрально противоположно любви“.—Мы привыкли противопоставлять одно другому только однородное: чувство чувству, желаніе—желанію, фактъ—факту; здѣсь—убіиство, какъ фактъ, противопоставляется любви, какъ чувству или извѣстной настроенности... Вѣроятно составители письма желали сказать этимъ, что всякое убіиство исключаетъ наличность любви въ томъ, кто совершаетъ его, свидѣтельствуя объ антихристіанской его настроенности... Совершающій убіиство приравнивается здѣсь къ діаволу, который называется человѣкоубійцею искони. Согласиться съ этимъ категорическимъ утвержденіемъ мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ. Само по себѣ убіиство, рассматриваемое какъ фактъ, не даетъ рѣшительно никакого основанія для такой его нравственной оцѣнки. Вѣдь каждый поступокъ человѣка оцѣнивается по тѣмъ мотивамъ, по которымъ онъ совершается. Рассматриваемый и оцѣниваемый именно такъ, одинъ и тотъ же фактъ можетъ быть и дурнымъ и хорошимъ, и заслуживающимъ порицанія и одобренія. Если я лишу когонибудь руки въ состояніи раздраженія, или съ цѣлію причинить ему физическое страданіе,—поступокъ мой рассматривается какъ преступленіе; если врачъ произведетъ у своего паціента ампутацію больного члена, съ цѣлію предотвратить смерть всего организма,—онъ выполнитъ свой долгъ, поступокъ его будетъ нравственно хорошъ. Составители письма, повидимому, не допускаютъ такой точки зрѣнія на рассматриваемый предметъ:

они называютъ всякое убійство зломъ потому, что оно идетъ противъ воли Божіей, запретившей убійство. Христось, говорятъ они, запрещаетъ Своимъ ученикамъ не только убійство, но и гнѣвливое, грубое отношеніе къ ближнимъ, какъ убійство нравственное“. Но дѣйствительно ли слова Іисуса Христа, о которыхъ говорятъ они, нужно понимать, какъ безусловное и категорическое осужденіе всякаго убійства? Дѣйствительно-ли Христось отрицаетъ возможность такихъ обстоятельствъ, при которыхъ убійство можетъ быть и непроступнымъ,—извинительнымъ и даже законнымъ?

— Мы не можемъ признать этого запрещенія безусловнымъ, и сами составители письма помогутъ намъ доказать справедливость именно нашего пониманія: „Христось, говорятъ они, запретилъ не только убійство, но и гнѣвливое, грубое отношеніе къ ближнимъ“...—Дѣйствительно, въ томъ мѣстѣ у Евангелиста, гдѣ Іисусъ Христось угрожаетъ судомъ за убійство, Онъ осуждаетъ и гнѣвъ, и бранное слово. Но въ какихъ словахъ осуждаетъ Онъ это?—А вотъ въ какихъ: „Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: рака (пустой человѣкъ), подлежитъ синедріону, а кто скажетъ: безумный, подлежитъ гееннѣ огненной“. (Мѡ. V, 22). А какъ объяснять составители воззванія тѣ случаи изъ Евангельской исторіи, гдѣ Самъ Іисусъ Христось изображается гнѣвающимся и произносящимъ слова гнѣва? А такихъ случаевъ было не мало и объ нихъ повѣствуетъ тотъ же Евангелистъ. Не Іисусъ ли Христось называлъ фарисеевъ „зміями“ (XIII, 33), „порожденіемъ ехиднинымъ“ (XII, 34); „родомъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ“ (XII, 39), „лицемѣрами“ (XV, 7); не Іисусъ ли Христось провозглашалъ многократное *горе* книжникамъ и фарисеямъ, лицемѣрамъ; не Онъ ли уподоблялъ ихъ окрашеннымъ гробамъ, полнымъ внутри костей мертвыхъ и всякой нечистоты“? (XIII, 27 и др.). Не Самъ ли Іисусъ Христось говорилъ невѣрующимъ іудеямъ: „вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творите“...? (Іоан. VIII, 44). Какъ не разглядѣли всего этого авторы письма, въ которомъ приведены слова Іисуса

Христа о діаволѣ—человѣкоубійцѣ, изъ того самаго стиха, который опровергаетъ ихъ?! Ужели же Божественный Учитель нашъ противорѣчитъ Самъ Себѣ: учить одному, а дѣлаетъ другое? Конечно, никакой христіанинъ не допуститъ такого взгляда... Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать какое заключеніе?—А вотъ какое: все то, что осуждено Іисусомъ Христомъ въ нагорной Его проповѣди—и убійство, и гнѣвъ, и бранное слово не должны и не могутъ имѣть мѣста только въ обществѣ совершенныхъ его послѣдователей. Ученіе, раскрытое Христомъ въ нагор. бесѣдѣ, составляетъ конечный идеалъ, къ которому должны стремиться люди; это путеводный маякъ, указывающій путь и конечную цѣль того нравственнаго совершенства, къ которому человѣкъ долженъ приближаться. Но идеальное совершенство во всей его полнотѣ недостижимо здѣсь на землѣ, да и въ тѣхъ то размѣрахъ, въ какихъ оно возможно, достигается не въ другъ, а постепенно... Прежде чѣмъ посѣянное на землѣ слово Божіе принесетъ зрѣлый плодъ, даже лучшій христіанинъ бываетъ вынужденъ осуществлять его постольку, поскольку это возможно. А если можно въ извѣстныхъ случаяхъ и гнѣваться и произносить бранныя слова (вопреки запрещенію Христову), то не значить ли это, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть допущено и убійство? Думаемъ, что если сдѣлаемъ такое заключеніе, никто не будетъ въ правѣ упрекнуть насъ ни въ извращеніи Христова ученія, ни въ нелогичности.—Мы утверждаемъ, что далеко не всякій убійца можетъ быть уподобленъ человѣкоубійцѣ—діаволу, какъ это дѣлается въ обсуждаемомъ нами письмѣ. Составители его забываютъ, что діаволъ называется человѣкоубійцею не за умерщвленіе человѣческихъ тѣлъ, а за внесеніе грѣха въ міръ, за развращеніе человѣческихъ душъ. Если же такъ, то гораздо болѣе основаній сравнивать съ діаволомъ тѣхъ развратителей человѣческихъ душъ, столь обильныхъ въ настоящее время, которые проповѣдуютъ своеволіе и непослушаніе законной власти: вѣдь и самъ то діаволъ палъ чрезъ своеволіе и непослушаніе, отвергнувъ надъ собою власть Всевышняго. Такъ вотъ кто прежде всего подобенъ діаволу! Второе мѣсто мы можемъ указать тѣмъ убійцамъ, которые лишаютъ своихъ ближнихъ жизни, располагаемые къ

тому своею грѣховною волею, по эгоистическимъ мотивамъ (воспользоваться чужою собственностію, устранить непріятное лицо и т. под.). Третье мѣсто мы указали бы тѣмъ лицамъ, которыя совершаютъ убійство въ состояніи аффе́кта, которыхъ извиняють составители воззванія, но которыя не могутъ быть оправданы совершенно, потому что отвѣтственны за то, что довели себя до такого состоянія. Четвертое мѣсто представимъ тѣмъ, кто совершаетъ убійство, защищая свою собственную жизнь. А куда помѣстимъ того, кто спасетъ жизнь невиннаго ребенка цѣною жизни преступника, поднявшаго на безпомощнаго свою вооруженную руку? Ужели хватить у кого нибудь духа отнести и его къ разряду преступниковъ? Ужели совѣсть осудить его за это? Намъ скажутъ, что всякій злодѣй—нашъ ближній и мы должны проявлять къ нему, по заповѣди Христовой, самоотверженную любовь. Хорошо: пусть будетъ такъ; но отсюда можно сдѣлать развѣ только то одно, и то довольно сомнительное, заключеніе: христіанинъ не можетъ спасти своей собственной жизни цѣною жизни преступника, и ни въ какомъ случаѣ не болѣе. Вѣдь не только то преступникъ, а и жертвы его—наши ближніе; какъ же къ нимъ то проявимъ мы свою христіанскую любовь,—ужели тѣмъ, что оцѣнимъ жизнь ихъ дешевле жизни преступника, признаемъ за ними менѣе правъ на существованіе, чѣмъ за злодѣемъ и позволимъ преступленію совершиться?!

Составители письма съ особеннымъ порицаніемъ и осужденіемъ относятся къ убійству по приговору суда—смертной казни, существующей въ нашемъ законодательствѣ за политическія преступленія,—и къ уличному разстрѣлу. Здѣсь оказываются виновными, съ ихъ точки зрѣнія, уже не только совершители его, а и всѣ мы, своимъ молчаніемъ признающіе законность такихъ явленій. Посмотримъ, насколько справедливы они въ этомъ своемъ обвиненіи.—Какими побужденіями руководится Правительство, присуждая извѣстнаго рода преступниковъ къ смертной казни?—Смертная казнь совершается не по произволу и не по деспотизму властей, а въ силу крайней необходимости, для охраненія жизни другихъ гражданъ и спокойствія государства, совершается по требованію, предъяв-

ляемому властямъ, нравственнаго долга. Ужели здѣсь есть что нибудь общее съ преступленіемъ? На это намъ возражаютъ: нечего разсуждать о мотивахъ, когда въ словѣ Божіемъ находится прямое запрещеніе смертной казни... Но гдѣ же оно? Ужели единичный случай спасенія Христомъ женщины—*прелюбодѣйки* отъ законнаго наказанія, спасеніе, совершенное Спасителемъ путемъ обращенія къ совѣсти и сердцу ея обвинителей и судей, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отрицанія вообще и во всѣхъ случаяхъ законности смертной казни съ точки зрѣнія Христова ученія? Не съ большимъ ли правомъ слѣдуетъ толковать указанный случай въ томъ смыслѣ, что Іисусъ Христосъ научаетъ судить не во всѣхъ случаяхъ и не всегда по буквѣ только закона, но прислушиваться также и къ голосу своего сердца и совѣсти? Если бы Спаситель нашъ имѣлъ намѣреніе безусловно осудить смертную казнь, то почему не сдѣлалъ Онъ этого рѣшительно и прямо? Почему на судѣ у Пилата, когда Ему представлялся весьма удобный случай осудить смертную казнь и не какой нибудь прелюбодѣйки, а именно казнь за политическія преступленія (въ каковомъ обвинялся между прочимъ и Самъ), Онъ не дѣлаетъ этого, а, напротивъ, санкціонируетъ дѣятельность судящей и наказующей власти Божественнымъ авторитетомъ. Когда Пилатъ хвастливо сказалъ молчавшему Христу: „не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя“? Іисусъ Христосъ не отрицалъ за вимъ этого права, нѣтъ; Онъ отвѣчалъ: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше“ (Іоан. XIX, 10. 11). Если бы Христосъ, дѣйствительно, осудилъ въ случаѣ съ прелюбодѣйкою ветхозавѣтный законъ о смертной казни, то могъ ли бы Онъ сказать: „не мните, яко придохъ разорити законъ, или пророки: не придохъ разорити, но исполнити“ (Мѡ. V, 17)? Мы утверждаемъ свою мысль еще настойчивѣе: Іисусъ Христосъ не только ничего не осудилъ въ ветхозавѣтномъ нравственномъ законѣ, но и не могъ сдѣлать этого; въ противномъ случаѣ Онъ осудилъ бы Самого Бога, виновника этого закона. Приписывающіе Ему упраздненіе того закона, по которому въ извѣстныхъ случаяхъ пре-

ступленіе наказывалось въ Ветхомъ Завѣтѣ смертною казнію, забываютъ ту истину, что нравственный законъ Божій имѣетъ воспитательное значеніе для человѣка и причина сравнительной строгости закона ветхозавѣтнаго лежитъ не въ личныхъ свойствахъ ветхозавѣтнаго Бога-Законодателя, а въ свойствахъ того грубо чувственнаго народа, которому онъ былъ данъ,—что въ законѣ Евангельскомъ обнаруживается болѣе любви и снисходительности не потому, что воплотившійся Сынъ Божій добрѣ Своего Небеснаго Отца, а потому, что новозавѣтное человечество, при болѣе совершенномъ откровеніи Божества и Его воли, могло выполнять волю Божию не изъ страха только наказанія, но и по болѣе возвышеннымъ мотивамъ. Утверждать, однакоже, что всѣ члены христіанскаго общества переросли нравственно ветхозавѣтный еврейскій народъ и не нуждаются въ тѣхъ суровыхъ законахъ, подъ которыми жили и воспитывались евреи, было бы въ высшей степени смѣло и неосновательно. А если такъ, то съ полнымъ правомъ слѣдуетъ сдѣлать то заключеніе, которое нами и сдѣлано: примѣненіе гражданской властію *въ крайнихъ случаяхъ* смертной казни не осуждено Христомъ и не можетъ считаться противнымъ волѣ Божіей. Мы подчеркиваемъ слова *въ крайнихъ случаяхъ* потому, что признаемъ христіанское Правительство нравственно обязаннымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возможно парализовать вредное вліяніе на общество отдѣльныхъ индивидуумовъ другими способами, находящимися въ его распоряженіи, не прибѣгать къ смертной казни, какъ къ самой крайней и послѣдней мѣрѣ. Но если остается въ распоряженіи Правительства одно только средство оградить законную власть, порядокъ общественной жизни и безопасность гражданъ—лишеніе жизни преступника, оно нравственно обязано сдѣлать это, иначе должно отвѣтить и передъ Богомъ и передъ обществомъ за всѣ тѣ жертвы анархіи, (а ихъ могутъ быть сотни и тысячи погубленныхъ жизней), которыя явятся результатомъ ихъ попустительства.

Утвержденію составителей воззванія, что „смертная казнь, какъ угроза, не имѣетъ смысла“, мы не придаемъ важнаго значенія, съ одной стороны потому, что и помимо угрожаю-

ющаго значенія своего она имѣетъ смыслъ (освобождаетъ отъ преступника общество), а съ другой и потому еще, что утвержденіе это слишкомъ произвольно и бездоказательно: кто и на какихъ основаніяхъ согласится утверждать, что въ случаѣ отмены смертной казни не умножатся случаи политическихъ убійствъ и анархическая дѣятельность крайнихъ общественныхъ элементовъ?

„Злодѣю, рѣзавшему людей изъ за денегъ, даруютъ жизнь, читаемъ далѣе, а человѣка безусловно честнаго, правдиваго, но лишь чрезмѣрно увлекшагося политической или соціальной идеей, до забвенія себя, до преступленія, казнятъ!“ Составители письма видятъ здѣсь непослѣдовательность и несправедливость. Мы не видимъ этого: Правительство усматриваетъ въ политическихъ убійцахъ такихъ преступниковъ, которые не только лишаютъ человѣка жизни, но и потрясаютъ основы и порядокъ жизни общественной и, слѣдовательно, болѣе опасны для государства, чѣмъ простые убійцы. „Безусловно честныхъ и правдивыхъ“ лицъ Правительство никогда не наказываетъ смертною казнію, а тѣхъ, которые сами убиваютъ, начиная отъ министра и кончая простымъ городовымъ, и которыхъ дѣйствительно казнятъ, едва ли можно назвать этимъ именемъ.

„Одинаково жалѣтъ убитаго за свои убѣжденія революціонера и солдата, павшаго на своемъ посту“ мы тоже не можемъ: солдатъ умираетъ, выполняя свой долгъ, не имѣя права и возможности избѣгнуть угрожающей ему смерти, а революціонеръ умираетъ только потому, что самъ упрямо и упорно лѣзетъ на подставленный ему штыкъ или на разстрѣлъ, не желая воспользоваться тѣми предупрежденіями, которыя въ такихъ случаяхъ дѣлаются. Здѣсь, думается намъ, уже не столько повинно Правительство въ ихъ преждевременной смерти, сколько они сами...

Противники смертной казни договорились до того, что въ назиданіе Правительству приводятъ случай изъ жизни преп. Серафима Саровскаго. „Св. Серафимъ Саровскій, говорятъ они, потребовалъ освобожденія изъ тюрьмы разбойниковъ, избившихъ его и искалѣчившихъ“.. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, ужъ и Правительству нашему не пораспускать изъ тюремъ всѣхъ

убійць и разбойниковъ?! А это было бы такъ послѣдовательно съ точки зрѣнія авторовъ разсматриваемаго нами воззванія... Очевидно, забыта простая истина, что у Правительства есть свои особенныя обязанности, помимо тѣхъ, которыя налагаются званіемъ христіанина на нихъ какъ частныхъ индивидуумовъ, и что то, что составляетъ добродѣтель человѣка въ его личныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ его лицамъ, является иногда преступленіемъ со стороны человѣка, облеченнаго правительственною властію.

Кончаемъ свою рѣчь тѣмъ же, чѣмъ и начали: воздаемъ должное добродѣтели и гуманнымъ воззрѣніямъ пастырей, составившихъ воззваніе „ко всѣмъ христіанамъ, вѣрующимъ въ Господа Іисуса Христа“, но согласиться съ основною мыслию, проведенною въ этомъ воззваніи, мы не можемъ.—Мы сами ужасаемся насильственной смерти и считаемъ зломъ смертную казнь; мы сами не станемъ оправдывать Правительство, если произносятся смертные приговоры, оно будетъ злоупотреблять своею властію; но мы не признаемъ того, что, при наличномъ состояніи человѣчества, можно требовать уничтоженія смертной казни, не рискуя большимъ зломъ и бѣдствіями; не можемъ согласиться съ тѣмъ, что есть для такого требованія достаточныя основанія въ ученіи Христовомъ; не можемъ признать Правительство, законно подписывающее смертные приговоры, преступникомъ.

8-го января.

П. Кратировъ.
